

Возможно, из-за того, что о нём кто-то думал, или из-за приятного контраста — коллеги ушли на утренний приём, а он мог остаться дома и поспать подольше, — этот короткий шум не испортил его настроения. Фу Шэнь, ожидая, когда Янь Сяохань выйдет из дома, предавался беспорядочным размышлениям, выуживая из запылившейся памяти знакомую строку: «В Фэнчэне холод ушёл, но боятся весенней ночи».

Генерал Фу, хоть и был выходцем из знатной семьи, обладал весьма ограниченными познаниями. Всё, выученное в прошлом, давно вернул учителям, и он никак не мог вспомнить остальные строки этого стихотворения!

Смутно помнилось, что стих был о нежелании вставать с постели, да и имя Янь Сяоханя в нём упоминалось. Поэтому он повторял строку снова и снова, пока снаружи не стихли звуки, и он снова погрузился в глубокий сон, продолжая бормотать её даже во сне.

Когда он наконец проснулся поздним утром, служанки из резиденции Янь пришли помочь ему умыться и подать завтрак. После того как он с отвращением выпил большую чашу горького отвара, Фу Шэнь всё ещё не мог вспомнить полное название стихотворения. Он был из тех, кто, если чего-то не понимает, будет копать до сути. Просидев у окна и размышляя полдня, он наконец сказал служанке:

— Сходи в кабинет твоего господина и принеси мне несколько сборников стихов, семистрочные четверостишия.

Служанка, получившая утром указание от Янь Сяохана, не посмела его послушаться и поспешила за книгами. Янь Сяохань не был большим ценителем поэзии, поэтому в его кабинете стихов было немного. Служанка принесла небольшую стопку и почтительно сказала:

— Ваша светлость, это все сборники стихов, что есть в кабинете.

Фу Шэнь взял одну из книг и начал листать, не переставая ворчать:

— Безграмотный человек.

Служанка опустила голову, и её плечи слегка задрожали.

Он провёл за чтением целый час и наконец в пыльном и пожелтевшем сборнике танских стихов нашёл источник строки, которая его так долго мучила. Стихотворение называлось «Для чего», и полный текст был таким:

Для чего облачный экран бесконечно нежен,

В Фэнчэне холод ушёл, но боятся весенней ночи.

Без причины выдали замуж за златопоясного мужа,

Пренебрегли благоухающим одеялом ради утреннего приёма.

Лицо Фу Шэня позеленело, он едва не задохнулся от гнева и с яростью швырнул книгу.

Вечером, когда Янь Сяохань вернулся с утреннего приёма, он застал Фу Шэня, сидящего у окна и рассеянно смотрящего на лежащие на столе письменные принадлежности. Янь Сяохань намеренно громко ступил. Фу Шэнь, подняв голову и увидев его, сразу же начал мысленно повторять ту самую ужасную строку: «Пренебрегли благоухающим одеялом ради утреннего приёма». Его лицо несколько раз переменялось, дыхание спёрло, и он закашлялся так, что, казалось, мир сотрясся.

Янь Сяохань испугался, поспешил к нему и начал похлопывать по спине, чтобы помочь откашляться:

— Что случилось? Я тебя напугал?

Вопрос звучал абсурдно. Фу Шэнь, размахивая рукой, схватился за его предплечье и продолжал кашлять без остановки. Янь Сяохань, понаблюдав, понял, что тот просто подавился, и успокоился, не удержавшись от насмешки:

— Ваша светлость, вы действительно так спокойны.

Фу Шэнь оттолкнул его руку.

Они сидели и стояли, их стройные силуэты отражались на узорчатом окне, словно пара прекрасных жемчужин. Когда кашель Фу Шэня наконец утих, Янь Сяохань спросил:

— Как тебе живётся в резиденции? Если что-то нужно, просто скажи слугам, не стесняйся. Я слышал, ты сегодня бросил книгу. Что случилось, расскажи?

Фу Шэнь, не меняя выражения лица, ответил:

— Рука случайно соскользнула.

Янь Сяохань с подозрением посмотрел на него:

— Правда? Если слуги тебя обидели, не стесняйся сказать...

Фу Шэнь искоса взглянул на него:

— Ты думаешь, у тебя здесь столько влияния, чтобы я терпел обиды?

Янь Сяохань больше не стал расспрашивать, внутренне смеясь над тем, что, возможно, считал Фу Шэня слишком уязвимым. Человек, который в центре бурь и невзгод мог сказать: «Есть то, что нужно делать, и то, что не нужно», обладал гораздо большей стойкостью, чем они, плывущие по течению.

В этом мире горячие сердца остывают, амбиции исчезают, герои и подлецы в конечном счёте возвращаются в прах, похвала и ругань превращаются в ничто. Настаивать на чём-то не имеет смысла, поэтому он просто надеялся, что искренность и гордость этого человека сотрутся чуть медленнее.

— Что сегодня происходило во дворце? — Фу Шэнь рассеянно убирал разбросанные на столе бумаги и кисти.

Янь Сяохань ответил:

— Новости уже распространились, но пока все выжидают. Я слышал, что цензорат собирается подать доклад о тебе, ведь вчера ты долго стоял на коленях у ворот дворца. Как твоя нога? Всё ещё болит?

— Немного, но ничего серьёзного, днём приходил господин Шэнь, — сказал Фу Шэнь. — Дарование брака — это личное дело, если мы молчим, другим трудно что-то сказать. Как ты думаешь?

— Я уже дал согласие перед императором, не могу взять свои слова обратно.

Фу Шэнь задумался на мгновение, но ничего не сказал, только произнёс:

— Хорошо, я понял.

Янь Сяохань краем глаза заметил беспорядочно разбросанные на столе бумаги, на которых Фу Шэнь написал какие-то непонятные каракули. Он с любопытством взял один лист и сначала спросил:

— Можно посмотреть?

Фу Шэнь равнодушно ответил:

— Как хочешь.

На бумаге были изображены странные символы, которые при ближайшем рассмотрении оказались видоизменёнными иероглифами, чем-то напоминающими печати. Фу Шэнь, видя, что Янь Сяохань внимательно их изучает, спросил:

— Узнаёшь?

Янь Сяохань указал на один из них:

— Это иероглиф «цзюнь» — «армия», печать Оружейного приказа. Всё оружие, изготовленное Оружейным приказом, имеет эту печать. Ты написал этот иероглиф с небольшими крючками на концах, похожими на стрелы, вероятно, он из Управления арбалетных мастерских Оружейного приказа.

Фу Шэнь сначала был равнодушен, но, услышав слова «Оружейный приказ», его зрачки резко сузились:

— В армии Бэйянь используются стрелы без каких-либо отметин, я никогда не видел такой печати.

Янь Сяохань объяснил:

— Обычно большие партии стрел для армии изготавливаются в различных мастерских, некоторые имеют маркировку, некоторые — нет. Оружейный приказ в основном занимается испытанием нового оружия, а также изготовлением оружия для столичных войск. Поэтому только стрелы, используемые столичной армией, имеют маркировку Управления арбалетных мастерских Оружейного приказа.

Фу Шэнь вытащил ещё один лист бумаги, на котором был изображён символ, похожий на бегущего зверя:

— А это ты знаешь?

Янь Сяохань улыбнулся, наклонился, взял кисть и, попросив Фу Шэня придержать бумагу, написал более округлый и похожий символ.

— Это иероглиф «бао» — «леопард», написанный одним движением.

— Когда Императорская гвардия ещё не разделилась, столичная гвардия состояла из десяти подразделений: левых и правых Цзинь, Баотао, Луань, Инъян и Юйлинь. Тогда для удобства каждое подразделение обозначалось животным, а иероглифы слегка изменялись, превращаясь в специальные символы.

Он продолжал, рисуя на бумаге:

— Например, Цзинь обозначался иероглифом «цзинь» — «золото» в форме трёхногой вороны, Баотао — вот этим, Луань — иероглифом «луань» — «феникс», Инъян — «ин» — «орёл», а Юйлинь — иероглифом «юй» — «журавль».

— Однако позже, когда Императорская гвардия разделилась на Десять гвардий Южной ставки и Шесть армий Северной ставки, эта система символов перестала использоваться. Почему ты вдруг спросил об этом?

— Баотао... — пробормотал Фу Шэнь.

Янь Сяохань:

— Что такое?

— Ничего, — сказал Фу Шэнь. — Брат Янь, я...

Он не успел закончить, как за дверью раздался голос слуги:

— Господин, генерал Сяо Сюнь из армии Бэйянь пришёл с визитом и ждёт у ворот.

— Это к тебе, — Янь Сяохань вытащил кисть из рук Фу Шэня, затем обернулся и приказал слуге:

— Попросите его войти, его светлость сейчас выйдет.

Фу Шэнь сам начал разворачивать инвалидное кресло, чтобы выехать, но Янь Сяохань остановил его:

— погоди, не торопись.

Он пошёл в соседнюю комнату, взял плащ и тщательно укутал Фу Шэня, затем начал вывозить его на кресле, проявляя заботу и внимание, а при встрече с порогом поднял его вместе с креслом, чтобы избежать неудобств.

Фу Шэнь смущённо принимал его заботу, чувствуя себя неловко, но в то же время тронутым.

Их отношения были весьма неоднозначными. Когда они были поверхностно знакомы, они ещё могли быть друзьями, но теперь их насильно втолкнули в отношения, которые были слишком близкими, что привело к тому, что они стали более отстранёнными друг от друга.

Но, как бы то ни было, они должны были сохранять видимость приличия. В вопросах человеческих отношений Фу Шэнь чувствовал себя не на высоте. Если бы их роли поменялись, он сомневался, что смог бы быть таким же внимательным, как Янь Сяохань.

Говоря глубже, он никогда не думал, что после ранения кто-то будет так заботиться о нём, кто-то будет сидеть рядом с ним ночью, кто-то будет помнить о том, чтобы взять для него плащ перед выходом. Это было как если бы бедного ребёнка внезапно одарили большим слитком серебра, и он, никогда не видевший таких денег, оказался в растерянности.

Всего за полтора дня он уже почти перестал понимать значение слов «фальшивая любезность».

В главном зале Сяо Сюнь, увидев, как Фу Шэня ввозят в зал на кресле, мгновенно застыл.

<http://bllate.org/book/15271/1347943>